

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука —
Восточная литература
2019

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 16, № 4

ЗЧМД

2019

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 39

Редакционная коллегия

Главный редактор чл.-корр. РАН **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Анисеева** (Москва, ФГУП «Издательство «Наука»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хунъинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Ю.А. Иоаннесян.** Колебание гласных [а] и [е] в исходе слов в хорасанских персидских диалектах **5**
- И.А. Алимов.** Заметки о *сяошо*: «Е жэнь сянь хуа» **13**
- С.М. Прозоров.** Истоки, проблемы и задачи российского академического исламоведения **18**
- А.В. Степанова.** Значение и символика берберских татуировок Магриба **34**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- О.М. Чунакова.** Согдийские фрагменты буддийской сутры **41**
- А.В. Зорин, А.А. Сизова.** О тибетском ксилографе из Хара-Хото в собрании ИВР РАН **60**
- Е.Ю. Харькова.** Основы тибетской лексикографии в словаре «Махавьютпатги» **76**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- С.С. Сабрукова.** Письма В.И. Рассадина из Дархана (по материалам АВ ИВР РАН) **88**
- О.В. Лундышева, Л.И. Крякина.** Лаборатория реставрации ИВР РАН **100**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- И.В. Богданов.** III Конференция памяти В.А. Якобсона «Общество и культура Древнего Востока» (Санкт-Петербург, 18–19 марта 2019 г.) **111**
- М.А. Козинцев.** Международный молодежный форум «Россия и тюркский мир: взгляд молодежи из России и Киргизии» (Кыргызстан, Бишкек, 26–27 апреля 2019 г.) **118**
- А.А. Туранская, А.В. Зорин.** 15-й семинар Международной ассоциации тибетологов (Франция, Париж, 7–13 июля 2019 г.) **121**
- А.В. Зорин.** Восьмые петербургские тибетологические чтения (Санкт-Петербург, 10 сентября 2019 г.) **124**
- Т.А. Пан.** Научно-практический семинар по маньчжуроведению (Германия, Мюнхен, 17–18 сентября 2019 г.) **129**

РЕЦЕНЗИИ

- С.А. Полхов.** Законодательные уложения Сэнгоку даймё: Исследования и переводы.— М.: Кругъ, 2015 (Новые исследования по японской культуре. Кн. 2). — 648 с. (**В.Ю. Климов**) **133**
- А.В. Беляков.** Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исинея Карамышев сын Мусаитов. Опыт совместной биографии. Алматы: АБДИ Компани, 2019. — 208 с. (серия «Казахи. История и культура») (**Р.Ю. Почекаев**) **138**

На четвертой стороне обложки:

SI 5873 (старый шифр Втох/11). Тохарский документ VII в. из коллекции М.М. Березовского

Колебание гласных [а] и [е] в исходе слов в хорасанских персидских диалектах

Ю.А. Иоаннесян

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806219040010

Статья посвящена чередованию [а] и [е] в исходе слов как устойчивой тенденции в хорасанской группе персидских диалектов и одному из ее «промежуточных» признаков между западной и восточной группами. Анализ построен как на материале, собранном автором в процессе полевых исследований в Афганистане, так и почерпнутом из разнообразных источников, включая огласованные и частично транскрибированные диалектные тексты, доступные благодаря интернету. Для анализа привлечены три показательных хорасанских диалекта — гератский (на территории Афганистана), мешхедский и бирджандский (в Иране), что позволило охватить обширный регион распространения данной группы диалектов.

Ключевые слова: иранское языкознание, персидская диалектология, диалектология Афганистана.

Статья поступила в редакцию 15.05.2019.

Иоаннесян Юлий Аркадьевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (youli19@gmail.com).

© Иоаннесян Ю.А., 2019

В предшествующих своих работах по диалектологии персидского и близкородственных ему языков мы обосновывали необходимость выделения хорасанских диалектов в самостоятельную группу в рамках единого персидско-дари-таджикского языкового массива, состоящего, таким образом, из трех, а не двух, как было предложено Р. Фархади (Фархади 1974: 7), групп: западной (персидские диалекты Западного и Центрального Ирана), центральной (хорасанские диалекты, распространенные на северо-востоке Ирана и северо-западе Афганистана) и восточной — афгано-таджикской (диалекты дари без северо-западных и таджикские говоры Средней Азии). Нами указывались признаки, сближающие хорасанские диалекты как с западной, так

и с восточной группами, а также отмечались и отличия между ними. При этом выделение хорасанских диалектов в самостоятельную группу обосновывалось равнозначностью их сходжений с двумя другими группами и отличий от них, а также присущими им особыми «чисто хорасанскими» чертами (Иоаннесян 1998; и др.). В последней своей работе нами были определены пять устойчивых дифференцирующих признаков хорасанских диалектов по отношению к говорам афгано-таджикским (Иоаннесян 2019). При этом следует иметь в виду, что срединное положение хорасанских диалектов между западной и восточной группами предопределяет и некоторые свойственные им «промежуточные», или «переходные» черты между двумя этими группами. Вот как выглядит хорасанский ареал на карте диалектов персидско-дари-таджикского массива:

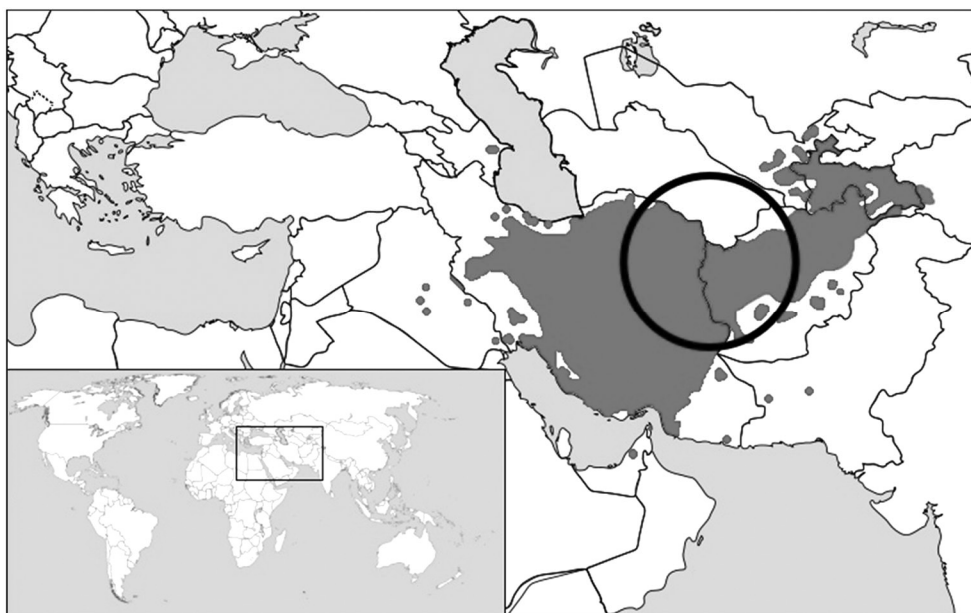

Рис. 1.

Карта массива персидско-дари-таджикских диалектов (выделен темным цветом), кругом обозначен хорасанский диалектный ареал на территории Ирана и Афганистана¹

В настоящей статье будет рассмотрен один такой «переходный» признак в области фонетики. Если в диалектах восточной группы гласный [a] в абсолютном исходе слова, соответствующий историческому [ā], сохраняется, а в западных он перешел в [e], то в хорасанских отмечается регулярное колебание в этой позиции звуков [a] и [e]. Причем с учетом того, что и [a] имеет варианты — [ä/ə], и [e] часто представлено более открытым гласным: [ɛ], в реальности речь идет о колебании в произношении

¹ Автор выражает искреннюю признательность Ф.Д. Богданову за квалифицированную помощь в подготовке этой иллюстрации.

звуков: ä/a/ə/ε/e. Знаком ə обычно обозначают несколько редуцированный и поэтому менее качественно устойчивый вариант [ä/a]. Рассмотрим ситуацию в трех хорасанских диалектах: гератском на территории Афганистана, мешхедском на севере иранской части Хорасана и бирджандском на юге иранского Хорасана. Географический охват территорий, таким образом, включает в себя крайний северо-восток, северо-запад и юг хорасанского лингвистического ареала.

Начнем с рассмотрения гератского диалекта, материалом для которого послужат опубликованные ранее результаты наших полевых исследований (см., в частности, Иоаннесян 1998: 70) и записанные в Афганистане диалектные тексты. В указанном диалекте происходит чередование звуков e/ε/ə/ä/a² в исходе слов, в позиции, в которой они соответствуют [e] литературного персидского и [a] литературного дари, о чем свидетельствуют многочисленные дублетные формы: riša/riše «корень», češmä/češme «родник», golulə/golle «шарик», jujə/juje «цыпленок, птенец; детеныш», šokomba/šokombe «требуха», xunə/xune «дом», rākizə/rākize «чистый». Ср. также фонетические варианты форм третьего лица единственного числа настоящего времени глаголов «говорить», «идти», «становиться» и «класть»: miġā/miġe/miġe, mirā/mire/mire, mišā/miše/miše, miġzāra/miġzāre и причастий прошедшего времени глаголов «бросать», «быть», «иметь», «делать», «идти», «становиться»: andāxta/andāxte/andāxte, buda/bude/bude, dišta/dište/dešte, kardə/kadā/kade, rafta/raftā/rafta, šoda/šodə/šode.

Применительно к мешхедскому диалекту мы не можем опереться на собственные полевые исследования, однако это компенсируется возможностями интернета, обеспечивающего доступ к многочисленным сайтам, посвященным мешхедскому диалекту и предоставляющим широкий спектр разнородных диалектных текстов в транскрипции как арабографичной, так иногда и латинской. Эти тексты вполне адекватны задаче, поставленной в настоящей статье, так как наглядно иллюстрируют колебания [a] и [e] в исходе слов. Из многих таких текстов нами отобран прежде всего весьма показательный стих на мешхедском диалекте поэта-мешхедца — Эмада Хорасани³ (1921–2004), фигурирующий сразу на многих сайтах, что также свидетельствует в пользу его популярности. Одно из достоинств этого текста состоит в том, что арабографичная транскрипция, в которой он представлен, снабжена еще и огласовками, которые практически неизменны от сайта к сайту, что говорит о фиксированном произношении и может указывать на то, что такое произношение (огласовки) установлено самим поэтом. Ниже представлен этот стих в его исконной арабографичной транскрипции с упомянутыми выше огласовками, фиксирующими произношение, за которым следуют наша латинская транскрипция на основе арабографичной и наш русский перевод стиха:

² Различение [e] и [ε] в данной позиции представляется делом нелегким, особенно с учетом того, что и в литературном персидском конечный [e] является звуком более открытым, чем [ε] в других позициях. Не случайно в кириллической транскрипции «Персидско-русского словаря» под редакцией Ю.А. Рубинчика (ПРС 1985) [e] в исходе слов передается посредством «э» обратного. В хорасанских же говорах [e] в абсолютном исходе слова, там, где он не испытывает ассимилирующего воздействия закрытого гласного последующего слова или морфемы, почти всегда представлен наиболее открытым своим вариантом, а передача его знаком [e] или [ε] носит отчасти условный характер и зависит от транскрипции.

³ В персидском написании — عماد خراسانی. Его настоящее имя — عمادالدين حسين برقي.

بِرّه گه کارِ مو و تو دِرّه بالا می‌گیره ذره ذره دِرّه عشقت تو دِلَم جا می‌گیره
روز اول به خودم گُفتم اَبم مثل بقی حالا کم کم می‌بینم کارِ دِرّه بالا می‌گیره
چِن شبّه واز مَن چهل سال پیش ازای مرغ دِلَم تو زمستون بهنّه سبزه و صِحرا می‌گیره
چِن شبّه واز می‌دوزم چشمامه تا صُبحه به چُخت
یا بپیک سَم ببخودی مات مَنه، را می‌گیره
تا سحر جُل می‌زُلم خواب به سُر اُغم نمیداد هی دِلَم مثل بچه بهنّه بی جا می‌گیره
موگومش هرچی که مرگت چیه کوفتی! نِمگه عَوَضِش نِق مَزِنه ذِکر خدایا می‌گیره
پیری و معرکه گیری که مِگن کار مویه دِفتر عُمَر داره صفحه پنجاه می‌گیره
اون که عاشق شده پنهون مِکَنه مثل اویّه که سِوار شُنَر و پوشتِشه دولا می‌گیره
دیگه مَجنون توی خواب دامن لایلا می‌گیره کُتا کردن دامنارِ تا ببخ رون، مَشتی عماد!

Тот же стих в латинской транскрипции:

Yaraga⁴ kâr-e mo-vo to dera bâlâ migire⁵
zera zera dera ešg-et tu del-om jâ migire
Ruz-e aval be xod-om goftom: “i-yam⁶ mesl-e baği”⁷
hâlâ kam-kam mibinom kâr dera bâlâ migire
Čan šab-a vâz⁸ mess-e če(he)l sâl piš az i morġ(-e)⁹ del-om
tu zemestun behana-e sebzo-vo sehrâ migire
Čan šab-a vâz miduzom češmâ-m-e tâ sobh-e¹⁰ be čoxt¹¹
yâ b^eyek sam¹² bixodi mât mena-o (memana-o)¹³, râ migire¹⁴
Tâ sahar jol mizenom¹⁵ xâb be sorâg-om nem(i)yâd
hey¹⁶ del-om mesl-e beča behane bijâ migire
Mogom-eš harci ke: “marg-et či-ya¹⁷ kufti”!
nemega, avaz-eš neġ mezena zekr(-e) xodâyâ migire

⁴ Yaraga — то же, что и лит. перс. yâr «друг, приятель; возлюбленная».

⁵ Dera bâlâ migire — соответствует лит. перс. dârad bâlâ migirad. В грамматическом отношении это — так называемое «настоящее продолженное (определенное) время» с глаголом dâštan. Его активное использование в мешхедском диалекте засвидетельствовано не только этим, но и другими диалектными текстами. О фонетическом аспекте указанной и рифмующихся с ней строк стиха будет сказано ниже.

⁶ I-yam — соответствует лит. перс. in ham.

⁷ Baği — соответствует лит. перс. baġiye (بقیه).

⁸ Čan šab-a vâz — соответствует лит. перс. čand šab-ast (ke) bâz...

⁹ Поскольку в хорасанских, как и в других персидских диалектах, возможно выпадение изафета, а по арабграфичной транскрипции без огласовки (*кесры* под конечным согласным) определить его наличие нельзя, мы здесь и ниже в скобках подставляем изафет как вариант прочтения.

¹⁰ Tâ sobh-e — очевидно, «-e» здесь — диалектный фонетический вариант послелога -râ (в хорасанских диалектах обычно в форме -re/-e), присоединяющийся к именам, перед которыми стоит предлог tâ. В диалектах дари Афганистана присоединение послелога (-ra/-a) в подобных случаях происходит крайне часто.

¹¹ Čoxt — «потолок».

¹² Sam — соответствует лит. перс. samt «сторона, направление».

¹³ Mât mena — очевидно, стяженная форма mât memuna (memânad).

¹⁴ Râ migire — очевидно, соответствует лит. перс. râh migirad.

¹⁵ Jol mizenom — соответствует в данном контексте лит. перс. takân miġoram. Jol встречается также и в дари в значении «суетливые движения», а с редупликацией: joljol означает «копшение (насекомых)».

¹⁶ Heu в устной персидской речи и в диалектах указывает на повторяющееся действие или действие в процессе совершения, наподобие русского «всё» или «знай себе»: всё ест и ест, знай себе ухмыляется, и т.п.

¹⁷ Ср. «چه مرگته (مرگت است)؟», фраза, переводимая в «Персидско-русском словаре» под ред. Ю.А. Рубинчика (в статье مرگ) как «в чем дело?», «чего ты хочешь?», «чего тебе не хватает?».

Piri-vo ma'rekegiri ke megan kâr-e mo-ya
 deftar(-e) omr dâra safha pinjâh migire
 Un ke âšeg šoda penhun mekena mesl-e u-ya
 ke sevâr šotor-a va pušt-eš-e dolâ migire
 Diga Mejnun tu-ye xâb dâman(-e) Leylâ migire
 kotâ kerdan¹⁸ dâmenâ-re tâ bix-e run, mašti Emâd!

Перевод

Друг мой, дело наше принимает серьезный оборот,
 Любовь к тебе проникает постепенно (букв.: по крупнице) все глубже в мое сердце.
 В первый день я сказал себе: «Все так же, как всегда (букв.: это то же, что и другое)»,
 Теперь понемногу вижу, как оно (т.е. чувство) возрастает.
 Уже несколько ночей птица сердца моего снова, как и сорок лет назад,
 Зимой томится по зелени и полю.
 Уже несколько ночей снова взор мой устремлен до утра к потолку
 Или бессмысленно застывает, обращенный в одну сторону, и [затем] блуждает.
 Ворочаюсь до раннего утра, [но] сон не приходит ко мне (букв.: не навещает меня),
 Сердце мое, как ребенок, все томится по несбыточному.
 Сколько ни говорю ему: «Что с тобой, негодник?»,
 Молчит (букв.: не говорит), вместо того [чтобы сказать], хнычет и поминает Бога.
 «Седина в бороду, бес — в ребро» — это сказано (букв.: говорят) обо мне,
 В книге жизни переворачивается пятидесятая страница.
 Тот, кто влюблен, скрывает [это], как тот,
 Кто верхом на верблюде сгибает в три (букв.: в две) погибели спину.
 Меджнун же во сне держится за подол Лейли,
 Укоротили подол по самое колено, о Мешхеде Эмад!

Переходя к фонетическому аспекту стиха, можно констатировать, что уже первая его строка демонстрирует чередование [a] и [e] в исходе слов (в глагольных формах), о чем со всей очевидностью свидетельствуют огласовки. Причем вся рифма стиха строится на повторяющейся форме *migire* с четко указанной *кесрой* вниз у конечного согласного «ر» (می‌گیره). Таким образом, несоблюдение этого принципа — произнесения [e] в конце глагольной формы даже в одном случае нарушит рифму. При этом в аналогичной позиции над «ر» в слове *dera* (دِره) четко выписана *фатха*: *دِره بالا می‌گیره* *dera bâlâ migire*. То, что конечный гласный в *می‌گیره* именно [e], подтверждается и арабграфичной и латинской транскрипциями другой строки данного стиха, представленной на другом сайте, посвященном мешхедскому диалекту: *حالا کم کم می‌بینم کار* *میزنه* *دِره بالا می‌گیره* *Hâlâ kam kam mibinom kâr dera bâlâ migire*¹⁹. При этом не только отмеченное ранее *دِره*, но и некоторые другие глагольные формы и существительные в приведенном выше стихе в абсолютном исходе слова огласованы фатхой: *میزنه* *mezena*, *می‌کنه* *mekena*, и т.п.

¹⁸ Kotâ kerdan соответствует лит. перс. *kutâh kardand*.

¹⁹ <https://en.wiktionary.org/wiki/%D8%AF%D8%B1> (27.04.19).

Обратимся к другому стиху на мешхедском диалекте, представленному на одном из сайтов²⁰:

با پَلْخْمون نِگَاهت چُوگه دِلومه زدی
 آی یَره یَره یَره — یَارُم کَله پا مره
 ای گِرُونی هم که هر روز قوز بالا قوز مره
 نِمِئُوم چیزی بُگَم — ای درد دل کُشته مو ره

Теперь тот же стих в нашей транскрипции с переводом:

Bâ palaxmun-e negâh-et čoğuk-a delom-e zedi
 Ây, yara, yara, yara — yâr-om kallepâ mere²¹
 Ey geruni ham ke har ruz ğuz bâlâ ğuz mere²²
 Nemetenom čiz-i bogom-a — i dard-e del košta mo-re!

Пращей взгляда своего ты сразила воробушка моего сердца.

О друг мой, моя возлюбленная ходит на голове.

Вот незадача, каждый день час от часу не легче

(букв.: горб возникает на горбу).

Не могу вымолвить ни слова — эта сердечная боль убила меня!

В этом стихе рифма строится на форме третьего лица единственного числа настоящего времени глагола *raftan* «идти», который в мешхедском диалекте выступает еще синонимом *šodan* «становиться»: *mere* (соответствует литературному персидскому *miravad*). При этом буква «ر» огласована четко указанной *кесрой* под «ха немым»: *مره*, чтобы исключить любое другое произношение. Слово *mere* рифмуется в последней строке с *مو ره mo-re* (личным местоимением первого числа единственного числа с послелогом прямого объекта), соответствующим литературному персидскому: *ma(n)-râ*. Послелог обычно произносится в мешхедском диалекте как *-re*, о чем также свидетельствует огласовка (*кесра*). То, что глагольное окончание третьего лица единственного числа нередко имеет в мешхедском диалекте форму *-e*, подтверждается примерами на других сайтах, посвященных данному диалекту, из которых приведем один: *خوش میگذره؟* (*khosh megzere*) = *خوش میگذرد؟* «[тебе, ему и т.п.] весело?». Может создаться впечатление, что возникновение конечного *-e* в приведенных примерах связано с явлением ассимиляции и влиянием гласного [e] или [i] предшествующего слога на слог конечный, ср. *migire, mere, megzere*. Однако, как явствует из стиха Эмада Хорасани, в других аналогичных случаях такое «влияние» не наблюдается, ср.

²⁰ <http://www.parsaveh.com/posts/tag/%D9%84%D9%87%D8%AC%D9%87-%D9%85%D8%B4%D9%87%D8%AF%DB%8C> (27.04.19).

²¹ Сложная многозначная персидская идиома, означающая «переворачиваться вниз головой», «лишаться сознания» и пр. В каком значении она употреблена здесь, остается лишь догадываться. Также неясно, использован ли глагол *raftan* здесь в своем прямом значении «ходить» или в сугубо диалектном — как синоним *šodan*.

²² Персидская пословица.

²³ http://www.wikiwand.com/fa/%D9%84%D9%87%D8%AC%D9%87_%D9%85%D8%B4%D9%87%D8%AF%DB%8C (27.04.19). Сохранена арабиграфическая и латинская транскрипция оригинала.

dera, mezena, mekena (см. выше). Следовательно, нет оснований считать решающим фактором возникновения конечного -е ассимиляцию. Вместо этого нужно констатировать чередование [a] и [e] в исходе слов. Этот вывод подтверждается и материалом другого хорасанского говора — бирджандского, к которому мы переходим сейчас.

Начало изучению бирджандского диалекта положил известный иранист прошлого века В.А. Иванов, прежде всего своей пространной работой “Persian as Spoken in Birjand” (Ivanow 1928). Этому и другим трудам данного выдающегося ученого мы уделили немало внимания в наших предшествующих публикациях, а здесь сошлемся на значительно более позднее подробное исследование бирджандского говора, осуществленное Дж. Резаи. В его книге все диалектные слова и фразы приводятся в двух транскрипциях — арабографичной и латинской, что выявляет довольно полную и наглядную картину фонетических черт говора. Хотя большинство лексем в этой книге содержит в рассматриваемой нами конечной позиции [ə] (вариант гласного [a]), в ней немало примеров и слов с исходом на [e], а также чередования [ə] и [e]. Приведем дублетные формы, начиная с gorbe/gorbə «кошка» в двух фразах с близким значением: gorbe muš rə bogorof «кошка схватила мышь», ср.: gorbə muš rə boxord «кошка съела мышь» (Rezaee 1998: 188, 322), ср. также: raxaxne/pāraxnə (соответствует литературному персидскому rāberehne) «босоногий» (Там же: 115, 128), yakke yakke/yakkə yakkə «каждый по отдельности» (Там же: 205, 218, также 211, 213), hame/hamə «все» (Там же: 223, 226), basse/bassə «ребенок, детеныш» (Там же: 235, 248–249, 340), madrese/madresə «школа» (Там же: 236, 318, 333), boborde/bobordə — причастие прошедшего времени глагола «уносить» с префиксом (Там же: 264), gazande/gazandə «кусающий» (Там же: 147, 198). Ср. также: az injə tā unjə «отсюда дотуда» (Там же: 234).

Проведенный в статье анализ примеров из трех диалектов, распространенных в разных частях Хорасана, основанный на достоверных материалах, подводит к выводу о чередовании вариантов гласных [a] и [e] в исходе слов в хорасанских диалектах как устойчивой тенденции.

Литература

- Иоаннесян 1998 — *Иоаннесян Ю.А.* Изучение и основные специфические черты хорасанской группы диалектного массива языков персидского, дари и таджикского // Страны и народы Востока. Памяти А.Л. Грюнберга / Под общ. ред. акад. М.Н. Боголюбова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. Вып. XXX. С. 62–82.
- Иоаннесян 2019 — *Иоаннесян Ю.А.* Некоторые важные отличительные черты хорасанской группы персидских диалектов от говоров афгано-таджикской диалектной группы // Письменные памятники Востока. 2019. Том 16. № 1 (вып. 36). С. 50–74.
- ПРС 1985 — Персидско-русский словарь. В 2 томах / Ред. Ю.А. Рубинчик. Изд. 3-е, стер. М.: Русский язык, 1985.
- Фархади 1974 — *Фархади [А.]Р.* Разговорный фарси в Афганистане / Пер. с франц. Б.Я. Островского. М.: Наука, 1974.
- Ivanow 1928 — *Ivanow W.* Persian as Spoken in Birjand // Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal. N.S. Vol. XXIV. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1928. P. 235–351.
- Rezaee 1998 — *Rezaee J.* Barresi-ye Guyesh-e Birjand: Vājshenāsi-Dastur. Be Ehtemām-e M. Rafi'i. [Tehran]: Hirmand, 1998.

References

- Farhadi, Abdu'l-Ghafur. *Razgovornyi farsi v Afghanistanane* [Colloquial Persian in Afghanistan]. Tr. from French by B.I. Ostrovskii. Moscow: Nauka, 1974 (in Russian).
- Ioannesyan Y.A. "Izuchenie i osnovnye spetsificheskie cherty khorasanskoi gruppy dialektного mas-siva iazykov persidskogo, dari i tadjhikskogo" [A Study in and the Basic Specific Characteristics of the Linguistic Continuum of the Persian-Dari-Tajiki Dialects]. *Strany i Narody Vostoka*, vol. 30. Pamiati A.L. Gryunberga. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1998, pp. 62–82 (in Russian).
- Ioannesyan Y.A. "Nekotorye vazhnye otlichitel'nye cherty khorasanskoi gruppy persidskikh dialektov ot govorov afgano-tadjhikskoi dialektnoi gruppy" [Some Important Differentiating Features between the Khorasani Group of Persian Dialects and the Varieties of the Afghan-Tajiki Group]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2019, vol. 16, no. 1 (issue 36), pp. 50–74 (in Russian).
- Ivanow, Vladimir. "Persian as Spoken in Birjand". *Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal*, N.S., vol. XXIV. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1928, pp. 235–351 (in English).
- Persidsko-Russkii slovar'* [A Persian-Russian Dictionary]. In 2 vols. Ed. by I.I. Rubinchik. 3rd edition. Moscow: Russkii iazyk, 1985 (in Russian).
- Rezaee J. *Barresi-ye Guyesh-e Birjand: Vajshenâsi-Dastur* [A Study in the Birjandi Dialect: Phonology, Grammar]. Be Ehtemâm-e M. Rafi'i. [Tehran]: Hirmand, 1998 (in Persian).

The Vowel Variation [A]–[E] in Word Final Position in the Khorasani Persian Dialects

(*Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2019, volume 16, no. 4 (issue 39), pp. 5–12)
Received 15.05.2019.

Youli A. Ioannesyan

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The article considers the variation [a]–[e] in word final position as a constant tendency in the Khorasani Persian dialects as well as one of their features "intermediate" between the Western and Eastern groups of Persian-Dari-Tajiki dialects. The analysis is based on the material collected by the author in the course of his field research in Afghanistan and on data drawn from various sources, including vocalized and partly transcribed dialectal texts available online. Three representative Khorasani dialects are used for this study, namely Herati (spoken in the city of Herat and the Herati province in Afghanistan), Mashhadi and Birjandi (spoken in the Iranian cities of Mashhad and Birjand respectively), which enables the author to cover a wide geographic area in which the dialects of this particular group are located.

Key words: Iranian studies, Persian dialectology, Iranian dialectology, Afghan (Dari) dialectology.

About the author:

Youli A. Ioannesyan, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS (youli19@gmail.com).